

ДИСКУССИИ, РАЗМЫШЛЕНИЯ / DISCUSSIONS AND REFLECTIONS

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/LPJ-24-51>
УДК/UDC 159.9.07; 159.9.016.5

О классичности «неклассической» психологии

Г.Г. Кравцов¹, О.Г. Кравцов²✉

¹ Российский государственный гуманитарный университет, Москва,
Российская Федерация

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва,
Российская Федерация

✉ kravtsovog@gmail.com

Резюме

Актуальность. В статье обсуждается актуальная проблема методологических основ психологической науки. В статье утверждается, что смертельно опасный для психологии кризис, который анализировал Л.С. Выготский, никуда не делся, но лишь из острой формы перешел в хроническую. «Методологический плюрализм» в современной психологии — это торжество вопиющей эклектики. Главную причину беспросветного тупика, в который зашла психология, авторы видят в стремлении этой науки уподобиться положительным наукам из области естествознания.

Цель. Целью статьи является обоснование точки зрения, согласно которой Л.С. Выготский создал единственно возможную научную психологию будущего, которая по праву будет классической.

Методы. В статье обсуждаются основополагающие принципы и постулаты культурно-исторического подхода, намечаются пути исследовательской конкретизации идеи системного и смыслового строения сознания.

Результаты. Авторами проанализированы методологические и философские основания психологической науки. На основе проведенного анализа в статье освещается подход, предложенный Л.С. Выготским.

Выводы. Сравнение научной судьбы Г. Галилея с научной судьбой Л.С. Выготского позволило авторам утверждать, что ни у того, ни у другого первооткрывателя принципиально нового метода постижения действительности при их жизни не было единомышленников. Слишком высоко у них была поднята теоретико-методологическая планка, что делало их работы недоступными для понимания современниками. В статье делается вывод о том,

что наследие Л.С. Выготского это не историческое прошлое психологической науки, а ее единственно возможное и наиболее перспективное будущее.

Ключевые слова: культурно-историческая концепция, «неклассическая» наука, кризис в психологии, категория развития, логика самодвижения, свободная индивидуальность, психологические средства, проблема универсалий, орудие и знак, строение сознания

Для цитирования: Кравцов, Г.Г., Кравцов, О.Г. (2024). О классичности «неклассической» психологии. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 47(4), 333–352. <https://doi.org/10.11621/LPJ-24-51>

On the Classicism of “Non-classical” Psychology

Gennady G. Kravtsov¹, Oleg G. Kravtsov² ✉

¹ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

² V.Ya. Kikot’ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

✉ kravtsovog@gmail.com

Abstract

Background. The article discusses the current problem of the methodological foundations of psychological science. The article argues that the dangerous crisis for psychology, which was analysed by L.S. Vygotsky has not gone away, but moved from an acute form to a chronic one. “Methodological pluralism” in modern psychology is the triumph of blatant eclecticism. The authors see the main reason for the impasse which psychology has reached as the desire of this science to become like positive sciences from the field of natural science.

Objective. The purpose of the article is to substantiate the point of view according to which L.S. Vygotsky created the only possible scientific psychology of the future, which will rightfully be classical.

Method. The article discusses the fundamental principles and postulates of the cultural-historical approach, and outlines ways of research conceptualising the idea of a systemic and semantic structure of consciousness.

Results. The authors analysed the methodological and philosophical foundations of psychological science. Based on the analysis carried out, the article highlights the approach proposed by L.S. Vygotsky.

Conclusions. Comparison of the scientific fate of Galileo with the scientific fate of L.S. Vygotsky allowed the authors to assert that neither one nor the other discoverer of a fundamentally new method of comprehending reality had like-minded people during their lifetime. Their theoretical and methodological bar was raised too high,

which made their work inaccessible to understanding by their contemporaries. The article concludes that the legacy of L.S. Vygotsky is not the historical past of psychological science, but its only possible and most promising future.

Keywords: cultural-historical concept, “non-classical” science, crisis in psychology, category of development, logic of self-motion, free individuality, psychological means, problem of universals, tool and sign, structure of consciousness

For citation: Kravtsov, G.G., Kravtsov, O.G. (2024). On the classicism of “non-classical” psychology. *Lomonosov Psychology Journal*, 47(4), 333–352. <https://doi.org/10.11621/LPJ-24-51>

Введение

С легкой руки Д.Б. Эльконина культурно-историческую концепцию Л.С. Выготского стали называть «неклассической психологией». Для этого есть все основания. Так, подводя итоги психологического анализа исследования в первой главе монографии «Истории развития высших психических функций» (Выготский, 1983), Л.С. Выготский приходит к заключению, что традиционная детская психология не могла даже верно поставить проблему личности, поскольку она не знала самого главного, а именно истории культурного развития ребенка. В этом же заключительном абзаце первой главы упомянутой монографии он утверждает, что только решительный выход за методологические пределы традиционной детской психологии позволит приблизиться к изучению того высшего психического синтеза, который по праву называется личностью ребенка. Вот только в чем именно состоит этот «решительный выход за методологические пределы старой психологии» Л.С. Выготский не уточняет, хотя в оставленном им научном наследии этот «выход» в пространство «неклассической» психологии осуществлен на деле.

Следует отметить, что первым из современных психологов высказал мысль о том, что «неклассическая» психология Л.С. Выготского как раз и есть та самая единственно возможная и подлинно классическая психологическая наука, В.Т. Кудрявцев. Авторы этих строк присоединяются к этой точке зрения. В целях ее обоснования и подтверждения правомерности ее существования можно сослаться на тот исторический факт, что традиционная наука, которая ныне почитается как классическая, при своем возникновении воспринималась не просто как что-то противоречащее общепризнанной в то

время физике Аристотеля, а как откровенная ересь и покушение на догматы католической церкви. А с еретиками инквизиция боролась единственным способом — их приговаривали к сожжению живьем на костре.

Классическая наука

Первым человеком, увидевшим умственным зрением предмет научной физики, был, как известно, Г. Галилей. Нередко можно встретить суждение, что Галилей был подвергнут суду инквизиции за то, что он придерживался коперниканской системы объяснения движения небесных тел, а не общепризнанной тогда птолемеевской системы взглядов на небесную механику. Это ошибочное мнение, так как во времена Галилея теория Н. Коперника уже считалась хотя и весьма спорной и даже греховной, но не противоречащей догматам католицизма, как это было несколько раньше, когда Джордано Бруно был приговорен инквизицией к сожжению на костре. Г. Галилей «впал в ересь» в молодости, написав статью «Пробирщик», где, вслед за Демокритом, доказывал атомарное строение вещества. А вот это явно противоречило Аристотелю, у которого все вещи — это модусы субстанции с присущими им акциденциями. Аристотеля и в Средние века, и потом называли отцом всех наук. Однако все якобы «научные» изыскания и творения Стагирита базировались исключительно на здравом смысле, который, будучи обобщенным жизненным опытом и не более того, ничего общего с подлинно научным знанием не имеет. Особенно страстным почитателем Аристотеля был доминиканский монах Фома Аквинский, признанный одним из учителей католической церкви. В зрелом возрасте Г. Галилей написал исключительно интересную для гносеологии и психологии познания работу «Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки» (1638 г.). Вот за эту работу Галилей точно был бы сожжен на костре, если бы раньше не воспользовался подсказкой своего покровителя — ни много ни мало самого папы римского Пия VIII, который, хотя и не мог повлиять на инквизицию, видел, что Галилей гениальный человек и его нужно любой ценой спасти. Римский папа был много старше и опытнее Галилея, и он предложил признаться в малом, простительном грехе, публично раскаяться и отказаться от своих гелиоцентрических взглядов, избежав тем самым мучительной смерти, поскольку дважды привлечь человека к суду инквизиция не имела права.

Вышеуказанную монографию иногда называют «Диалогами» Галилея, поскольку в этой работе на сцену выведены три персонажа, которые ведут между собой околонучные беседы и споры по поводу законов и принципов элементарного движения физических тел. Один из персонажей разделял взгляды, изложенные в «физике» Аристотеля, другой был сторонником Галилея, а третий был простым обывателем, мало что понимающим в вопросах физики движения твердых тел. Проблемная ситуация задавалась умственным представлением, согласно которому участники мысленного эксперимента находились в трюме корабля с закрытым входным люком и задраенными иллюминаторами, но в их распоряжении были любые физические приборы и инструменты. Им нужно было ответить на вопрос — корабль плывет или стоит на якоре. После всех споров и дискуссий участники этого эксперимента, напоминающего майевтические беседы Сократа, приходили к заключению, что никакие физические приборы не позволяют установить, плывут они на корабле или стоят на месте. Из этого Галилей делает итоговый вывод, что равномерное прямолинейное движение и покой суть одно и то же, и формулирует фундаментальный закон физики, согласно которому тело движется равномерно, поступательно и прямолинейно или покоится, если на него не действует никакая сила. Но ведь это радикально противоречит законам физики Аристотеля, согласно которым тело движется, если на него действует приводящая его в движение внешняя сила. Кроме этого, в сформулированном Галилеем законе инерции вроде бы игнорируется фундаментальный для логики закон исключенного третьего. Ведь для обыденного сознания, оперирующего житейскими понятиями и представлениями, дело обстоит так, что тело либо движется, либо покоится. Третьего не дано. Трансцендировать за границы здравого смысла и житейского опыта неискушенному обывателю было невозможно. Поэтому все попытки Г. Галилея обрести единомышленников были безрезультатными. Даже самые образованные люди того времени не могли взглянуть на мир его, галилеевскими глазами и увидеть умственным зрением предмет научной физики. Для этого они должны были либо быть такими же гениями, как Г. Галилей, либо владеть методом научной физики. У Галилея этого метода не было. Он будет создан только через полвека И. Ньютоном.

Незадолго до ухода из жизни Л.С. Выготский с грустью констатировал, что его судьба напоминает ему судьбу Моисея, который сорок лет водил свой народ по пустыне, заведомо зная, что сам он земли обетованной никогда не увидит. С нашей точки зрения, еще

больше судьба Л.С. Выготского похожа на судьбу Г. Галилея, который предложил человечеству качественно новый способ познания действительности, радикально отличный от гносеологических установок аристотелевского учения. Научный подвиг Л.С. Выготского вполне сопоставим с открытиями Г. Галилея, хотя на самом деле оставленное им наследие значительнее и масштабнее, чем физика Галилея. Осмысляя стоящие перед ним жизненные цели, Л.С. Выготский подчеркивал, что он не хочет, понадегав цитат из классиков, сочинить очередную психологическую теорию, а вот, научившись на всем методе К. Маркса, написать в психологии свой «Капитал» — это и есть истинная задача. Л.С. Выготскому удалось создать нечто большее, чем любой «Капитал». Он заложил основы того высшего способа постижения действительности, который Б. Спиноза называл интуитивным.

Кризис в психологии

В методологической работе «Исторический смысл психологического кризиса» (Выготский, 1982а) Л.С. Выготский анализирует состояние психологии на 1926 г., в когда было опубликовано это исследование. Он приходит к заключению, что психологическая наука переживает смертельно опасное заболевание, внешне проявляющееся в наличии в этой науке множества теорий, подходов и научных школ. Однако это — внешнее проявление кризиса в психологии, а его внутренняя суть состоит в потере этой наукой своего предмета. Л.С. Выготский приводит известные в психологии того времени слова о том, что психолог уподобился царю Приаму на развалинах Трои — предмета у его науки нет, методологии нет, кто такой психолог и зачем он нужен, не понятно. Остается только посыпать голову пеплом. Вся научная жизнь Л.С. Выготского пришлось на «период открытого кризиса» в психологии 1910–1930-х гг. (это словосочетание легло в основу названия хрестоматии по истории психологии П.Я. Гальперина и А.Н. Ждан). Однако главная беда психологии в том, что этот смертельно опасный кризис никуда не делся и в наши дни. Просто из острой формы он перешел в хроническое заболевание, с которым свыклись и даже как-то к нему приспособились. Мы отталкиваем от себя осознание того факта, что это заболевание несет в себе смертельный приговор для психологической науки. Подтвердить справедливость этого суждения могут, например, попытки ответить на простейший вопрос — а какой психологии следует учить студентов на психологических факультетах? Нередко можно услышать мнение,

что учить надо всем психологиям, какие существуют в настоящее время. Такой «методологический плюрализм» в учебном процессе, дескать, обеспечит у студентов кругозор и широкое познание, являясь залогом будущего расцвета психологической науки. С нашей точки зрения это не просто наивная ошибка, а откровенно вредоносное суждение. То, что в современном мире у нас множество всевозможных психологических теорий и подходов, означает, что никакой настоящей психологии в наши дни просто-напросто не существует. Тотальная методологическая эклектика порождает либо суррогат псевдознаний, либо, в лучшем случае, отдельные островки более или менее успешных психологических практик. В силу этого выпускники психологических факультетов в своем большинстве оказываются псевдоспециалистами «без царя в голове».

Главная беда и «первородный грех» всей претендующей на научность психологии, с нашей точки зрения, состоит в ее неумном стремлении уподобиться своим старшим сестрам из области естествознания, чтобы стать всамделишной положительной наукой, как, например, физика, химия, биология, генетика и т.д. Для этих традиционных естественных наук, еще со времен И. Ньютона, сохраняет свою силу фраза — чем больше в той или иной дисциплине математики, тем больше она наука. Однако то, что годится для естествознания, непригодно для психологии, которая не может быть отнесена ни к естественным, ни к гуманитарным, ни к точным наукам. Для психологии нет места в этом классификационном треугольнике Б.М. Кедрова. Она должна быть вынесена из его плоскости в вершину образованного на его основании тетраэдра.

Следует отметить, что традиционное естествознание неуклонно подчиняется логике обоснования через иное, которая следует из формальной логики Аристотеля. Обоснование через иное означает, что все на свете имеет свою причину, то есть мир, в котором мы живем, каузально детерминирован. В этой картезианской картине мира для человеческой свободы нет места. В механике И. Ньютона, базирующейся на философии европейского рационализма, созданной Р. Декартом, первым основополагающим постулатом является утверждение, согласно которому у каждого действия есть равное по силе, но противоположное по направлению противодействие. Примечательно, что даже в тех областях знаний и практик, где без признания человеческой свободы никак не обойтись, на самом деле никакой реальной свободы у человека нет. Так, например, в юридических науках, в том числе в криминологической литературе признается

тот узаконенный факт, что сам институт вменения вины базируется на свободе, то есть на подконтрольности деяний сознанию человека и его свободному выбору. Если при совершении предусмотренного уголовным кодексом деяния у человека не было свободы, то он не может быть признан виновным. Однако в криминологических статьях сплошь и рядом встречаются фразы типа «так называемый принцип “свободы воли”». По поводу этого выражения сразу же напрашиваются три возражения. Во-первых, само словосочетание «свобода воли» тавтологично, поскольку несвободной воли просто не бывает. Волевая сфера психики является высшим инструментом сознания, позволяющим человеку обрести и осуществить свою свободу. Во-вторых, словосочетание «так называемый», которым начинается вышеприведенная фраза, сразу же настраивает читателя на недоверчивое восприятие и ироничное отношение к тому, что будет далее сказано автором. Для усиления этой недоверчивости слова «свобода воли» поскорее берутся в кавычки. Вся эта словесная эквилибристика нужна авторам подобных фраз для того, чтобы сохранить свою репутацию настоящего ученого, верного тем законам и канонам, которые неукоснительно соблюдаются положительной наукой. Вот только сциентизм, навязанный человечеству традиционной наукой, был развенчан и опровергнут еще в начале XX в. в монографии Л. Шестова «Апофеоз беспочвенности».

Исключительно любопытным представляется то обстоятельство, что все фундаментальные постулаты картезианской философии опроверг человек, который всегда и везде утверждал, что он верный ученик и последователь Р. Декарта, хотя они никогда не встречались. Этот человек известен нам как Б. Спиноза. Есть все основания утверждать, что Л.С. Выготский учился не только на всем методе К. Маркса, как он сам указывал, но и на философии Б. Спинозы. Во всяком случае, портрет Б. Спинозы висел у него дома над его рабочим столом, а в качестве эпиграфа к его первой фундаментальной монографии «Психология искусства» он приводит цитату из «Этики» Б. Спинозы, начинающуюся словами: «... того, к чему способно тело, до сих пор никто еще не определил...» (Выготский, 1968).

Г.В.Ф. Гегель, учение которого признано вершиной немецкой классической философии, утверждал, что после работ Б. Спинозы все мы, хотим того или не хотим, вынуждены быть спинозистами. Именно Б. Спиноза сформулировал непротиворечивое решение знаменитой психофизической проблемы Р. Декарта. Механистическая картина мира, свойственная картезианской философии, навяз-

зывает нам гносеологический принцип, согласно которому до конца и по-настоящему познаваемым является только то, что человек сам создал, а сущность вещей, сотворенных Богом или Природой, для нас непостижима.

В философии Б. Спинозы выделяется три вида познания действительности. Первый вид является чувственным познанием, который часто ведет к заблуждениям, а полученные с его помощью знания Б. Спиноза называет мнениями. Второй вид познания, который опирается на рассудок и разум, является источником достоверных истин. С нашей точки зрения, этот вид познания вполне может быть назван научным, хотя никакой науки во времена Б. Спинозы еще не было. Основополагающий труд И. Ньютона будет опубликован только через 10 лет после ухода из жизни Б. Спинозы. А вот третий вид познания, выделяемый Б. Спинозой, очень похож на ту будущую единую науку о человеке, о которой упоминал В.И. Ленин в «Философских тетрадах». Б. Спиноза писал: «Кроме этих двух родов познания существует, как я покажу впоследствии, еще и третий, который будем называть знанием интуитивным (*scientia intuitiva*). Этот род познания ведет от адекватной идеи о формальной сущности каких-либо атрибутов Бога к адекватному познанию сущности вещей» (Спиноза, 1892, с. 117). Третий вид познания сопряжен с выдвинутой Б. Спинозой идеей «*causa sui*» — внутренней причиной собственного бытия и самодвижения.

Как уже указывалось, согласно Г.В.Ф. Гегелю, все мы вынуждены быть спинозистами, однако сам он не удержался на том уровне гносеологического мышления, который был задан работами Б. Спинозы. Камнем преткновения для Г.В.Ф. Гегеля стала категория развития. Он прекрасно понимал, что развитие — это всегда саморазвитие, то есть свободное, внутренне обусловленное самодвижение. Единцей, способной к саморазвитию, у Гегеля является тотальность, названная им Абсолютным духом, а присущее этой тотальности саморазвитие является самопознанием Абсолютного духа с помощью Объективного и Субъективного духа. В этой системе объективного идеализма, созданной Гегелем, человеческая индивидуальность нередко характеризуется как «дурная субъективность», поскольку человек как индивид ограничен, греховен, смертен и очень часто предвзят. В философии К. Маркса тупик объективного идеализма был преодолен, а человек был наделен достоинством такой единицы, которая является потенциальной тотальностью, способной к саморазвитию. К сожалению, в сознание и мышление многих психологов

никак не вмещается известное положение К. Маркса о том, что давно пора перестать противопоставлять абстрактно понятое общество и индивида, поскольку человеческий индивид является непосредственно общественным существом.

В приведенном тезисе К. Маркса все слова вроде бы, совсем простые и всем известные, хотя в этих словосочетаниях есть некоторые философские тонкости. Например, «абстрактно понятое общество» это тот или иной социум, который всегда является конечным и имеющим определенные границы. А вот общество — это весь род человеческий, включающий в себя все поколения людей, которые жили до нас, всех, кто живет сейчас, а также всех, кто будет жить после нас. У К. Маркса человеческий индивид актуально конечен и ограничен, но потенциально универсален и, соответственно, является той самой тотальностью, которая способна к саморазвитию.

У Л.С. Выготского есть исключительно важное понятие для понимания теоретических основ как детской, так и общей психологии, а именно сознание типа «Пра-мы». Это понятие он обсуждает в статье «Младенческий возраст» и называет его психологическим новообразованием этого возрастного периода (Выготский, 1984, с. 269–317). Суть этого понятия в том, что при тесном общении взрослого с маленьким ребенком у них нет границы, разделяющей их сознание. Можно сказать, что психологически они составляют единое целое — своеобразную «диадо-монаду», которая и есть та самая человеческая тотальность, способная к саморазвитию. У К. Маркса под «абстрактно понятым обществом» подразумевается противопоставление слов «социум» и «общество». Глубокий анализ и освещение этих понятий можно найти в монографии А.С. Арсеньева «Философские основания понимания личности» (Арсеньев, 2001). Надо признать, что человек, конечно же, социальное существо. Точно так же он является биологической особью. Однако если мы будем сводить сущность его к социальности или же к биологической детерминированности, то мы неизбежно попадаем либо в безысходный тупик социологизаторства, либо в столь же безрадостный тупик биологизаторства. А все попытки выстроить мало-мальски приемлемую теорию конвергенции двух факторов заведомо обречены на провал, поскольку невозможно из двух ложных теорий создать нечто, хотя бы внешне похожее на верную теорию.

Следует заметить, что не только общество может быть истолковано абстрактно, но и человеческий индивид может быть взят в качестве объекта изучения в виде реальной «живой абстракции».

Например, именно так индивид истолкован в статье В.В. Давыдова «Соотношение понятий “формирование” и “развитие” психики» (Давыдов, 1966, с. 35–48). Он утверждал: «Достоинством “развития” в диалектическом понимании обладают лишь такие объекты, которые являются целостными системами (“тотальностями”), существующие по своим и только им принадлежащим законам (закон — это всеобщий способ связи особенных явлений внутри данной системы). Является ли отдельный человек (индивид) подобной системой? Весь смысл теорий, последовательно вскрывающих несостоятельность “Робинзопад”, как раз состоит в том, что приводит к отрицательному ответу на поставленный вопрос. Отдельный человек не является такой системой, которая имеет “входы” и “выходы” в самой себе. Он лишь элемент той подлинно целостной системы, которая суть “общество”. Именно последнему — и только ему — присуще развитие как саморазвертывание имманентных противоречий. Индивиду же, взятому самому по себе, такое развитие не свойственно» (Давыдов, 1966, с. 37–38).

В последнем предложении вышеприведенной цитаты из текста статьи В.В. Давыдова мы видим, что то ли вольно, то ли невольно, но он назвал причину, заставившую его категорически утверждать, что к индивиду понятие развития не применимо. Это будет вполне справедливое утверждение, если применять его к индивиду, «взятому самому по себе», как это имеет место в рассуждениях В.В. Давыдова. Это и есть тот самый случай, когда реальный, обладающий бытием живой человек лишен собственной сущности и является пустопорожней абстракцией. Это и есть тот самый случай, когда слова К. Маркса о том, что человеческий индивид — это непосредственно общественное существо, не вмещаются в головы теоретиков от психологии. А ведь этот тезис в философии К. Маркса означает, что человек, в отличие от всех животных этого мира, является не видовым, а непосредственно родовым существом, а слово человек одновременно означает и индивида, и человечество в целом. Математики сказали бы, что это эквивалентные по мощности множества. Поэтому между личностью и обществом не может быть противоречий, так как, по большому счету, это одно и то же. А вот с тем или иным социумом эти противоречия, похоже, неизбежны. В этом контексте примечателен тот факт, что в концепции А. Маслоу одним из качеств, отличающих людей, достигших вершин самоактуализации, является сопротивление социализации. Еще одним соображением на тему соотношения индивида и рода может быть теоретическая

неразрешимость нравственной проблемы Ф.М. Достоевского, поставленной им в «Братьях Карамазовых» в виде вопроса — а можно ли пожертвовать одним младенцем ради благополучия всего человечества? Однако во все времена, да и в наши дни тоже, в нескончаемых войнах убивали и убивают всех без разбора, причем без каких-либо идей, оправдывающих эти чудовищные деяния.

С нашей точки зрения, теоретико-методологические ошибки В.В. Давыдова во многом были обусловлены тем, что он был пламенным почитателем философии Э.В. Ильенкова, который истолковывал К. Маркса с позиций гегелевской системы объективного идеализма. В.В. Давыдов всегда позиционировал себя как представитель научной школы Л.С. Выготского. Однако он никак не мог быть выготчанином, поскольку он разделял все принципы и постулаты деятельностного подхода и был верным сторонником теории деятельности А.Н. Леонтьева, а культурно-исторический и деятельностный подходы принципиально не совместимы.

Очень серьезная и глубокая критика деятельностного подхода «изнутри» была осуществлена Э.Г. Юдиным, однако, к сожалению, она не была воспринята в должной мере нашей психологической наукой, и «мыльный пузырь» деятельностного подхода до сих пор никак не лопнет. Критика Э.Г. Юдина была вполне конструктивной (Юдин, 1978). Он считал, что понятие деятельности является весьма ценным для психологической науки и оно должно быть сохранено. Вот только предметная деятельность, которую А.Н. Леонтьев возвел на пьедестал объяснительного принципа психологической теории, должна быть сброшена с него, чтобы занять принадлежащее ей по праву место важнейшего рабочего понятия психологической науки.

Неклассическая наука

В 1975 г. В.С. Библер опубликовал монографию «Мышление как творчество», в которой он анализировал фундаментальные вопросы психологической науки и в том числе логико-философские и методологические проблемы культурно-исторической психологии Л.С. Выготского (Библер, 1975). В этой работе он размышлял над понятийным устройством принципиально новой науки, справедливо названной «неклассической», одним из создателей которой был Нильс Бор. Это была квантовая механика. В этой механике работают качественно иные законы и закономерности, по сравнению с классической механикой И. Ньютона, которая опирается на картезианскую

картину мира, на гносеологическое субъект-объектное отношение, на рабочие понятия, введенные в науку Г. Галилеем, и на формальную логику, доставшуюся нам от «отца всех наук» — Стагирита. Вполне самоочевидно, что на такой логико-философской базе может быть выстроен только такой метод познания действительности, который не оставляет в этой самой «действительности» ровным счетом никакого места для человеческой свободы.

В «Записных книжках», где Л.С. Выготский фиксировал для себя приходившие ему в голову мысли, он отмечал, что высшей проблемой психологической науки является проблема человеческой свободы. А вот в упоминавшейся монографии В.С. Библера «Мышление как творчество» утверждается, что для осуществления Спинозовской идеи «*causa sui*» исследователю нужно отказаться от ныне господствующей логики обоснования через иное и трансцендентировать в пространство логики внутреннего самообоснования. Однако такая логика, по словам В.С. Библера, пока еще не создана. Это значит, что Л.С. Выготскому, поставившему перед собой задачу создания такой психологической науки, которая могла бы адекватно подойти к изучению центральной проблемы всей психологии — проблемы личности, пришлось в своих исследовательских поисках во-многом идти вслепую и наощупь, нередко прибегая к «универсальному» методу проб и ошибок. Эта сказочная по своей трудности задача содержит в себе сказочный же приказ — «пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». В этих поисках Л.С. Выготский не раз заходил в тупики неверных решений, но не боялся в этом признаться и предпринимал новые исследовательские попытки, надеясь в том числе на свою удивительную научную интуицию.

Как-то раз Д.Б. Эльконин рассказал примечательную историю о том, что сотрудники лаборатории Л.С. Выготского однажды подошли к своему руководителю и спросили, где описана применявшаяся им экспериментальная методика, по результатам которой была опубликована его научная статья. Л.С. Выготский ответил, что такой методики у него нет, и он вообще не проводил никакого эксперимента, поскольку он достоверно знает, что все описанное им в статье соответствует реальности. Автор этих строк признается, что в молодости он также решил перепроверить некоторые выводы и заключения Л.С. Выготского экспериментальным путем, поскольку в его работах они никак не обосновываются. Например, стабильные возрастные периоды у него подразделяются на две части, а критические возрасты, согласно Л.С. Выготскому, состоят из трех частей.

Последующая наша многолетняя исследовательская работа в области психологии образования и развития детей полностью подтвердила эти положения Л.С. Выготского. Здесь вполне уместно напомнить, что высший, третий вид познания Спиноза называет интуитивным. Согласно Спинозе: «Высшее стремление души и высшая ее добродетель состоит в познании вещей по третьему роду познания (Теорема 25)» (Спиноза, 1892, с. 367).

Проведенное Л.С. Выготским в 1926 г. методологическое исследование «Исторический смысл психологического кризиса» позволило ему сделать принципиально важное заключение о том, что психология с необходимостью должна быть объяснительной и экспериментальной наукой. Это значит, во-первых, что метод психологии имеет в качестве важнейшей своей части психологическую теорию, базирующуюся на объяснительном принципе, в статусе которого выступает некоторое фундаментальное понятие. Однако, как подчеркивает Л.С. Выготский, такое понятие должно доказать свое «королевское происхождение» и право быть объяснительным принципом психологической теории, то есть это понятие должно быть философски отрефлектировано. Во-вторых, поскольку психология, согласно Л.С. Выготскому, это экспериментальная наука, то объяснительный принцип ее теории должен быть не только философски обоснован, но и проверен в решающем эксперименте, который раньше назывался «*experimentum crucis*».

Л.С. Выготский в своих работах не объявляет напрямую и «в лоб», какое именно фундаментальное понятие является объяснительным принципом теории в созданной им культурно-исторической психологии. В то же время он не делает из этого секрета, недвусмысленно указывая на высшую форму движения, обозначаемую в философии категорией развития, как на ту «объективную реальность», о которой ровным счетом ничего не знает ни традиционная детская психология, ни общая психология в любых ее разновидностях и в самых разных научных школах и подходах. Это наше категоричное утверждение в полной мере применимо как к психологии 1920–1930-х гг., так и ко всем многочисленным «психологиям», существующим в настоящее время. Исключением из этого правила является только культурно-историческая психология, однако ее, как говорится ныне, «днем с огнем не сыщешь». Так, в нашей стране в большинстве завершенных психологических исследований указывается в качестве их методологической основы культурно-исторический подход, а затем вместе и рядом с ним перечисляются другие теории и подходы, несмотря на

то, что они принципиально не совместимы. Похоже, что авторы таких работ придерживаются известного житейского принципа — «кашу маслом не испортишь».

Мы намеренно подчеркнули, что движение развития — это не сугубо умственный конструкт, а «объективная реальность». Это качество объяснительного принципа в теории Л.С. Выготского исключительно важно, поскольку оно позволяет избежать обязательного в картезианской философии и теории познания расщепления того, что изучается, на объект и предмет. В «Капитале» К. Маркса исходная абстракция в виде непосредственно товарного обмена, лежащая в основе последующего восхождения от абстрактного к конкретному, также не вмещается в методологические рамки того метода познания действительности, который оставил нам Р. Декарт. Его метод познания, как уже отмечалось, позволяет по-настоящему познать только то, что человек сам создал, а вот весь окружающий человека природный мир, включая самого человека, навсегда остается принципиально непознаваемым. Так, например, мы успешно пользуемся законами и закономерностями, открытыми наукой в области физики электричества, однако что такое само электричество и в чем его сущность, мы не знаем, а по Декарту, никогда и не узнаем, поскольку рациональная наука позволяет выявлять не более чем существенные свойства вещей, но никак не их сущность. Кстати сказать, в том огосударствленном марксизме, который стал в Стране Советов господствующей идеологией, электрон тоже было принято считать столь же бесконечным в его глубокой непознаваемости, как и атом, то есть в нашей стране, как и во всем остальном мире, царила и «правила бал» картезианская, а не марксистская теория познания, несмотря на существование Института марксизма-ленинизма и многочисленных философов-марксоведов.

На начальных этапах исследовательских поисков Л.С. Выготский возлагал большие надежды на идею опосредствования. Элементарные психические функции и процессы, по его гипотезе, будучи опосредствованными, превращаются в высшие, культурные. Психологическим средством в концепции Л.С. Выготского, как известно, является знак, а знак потому и знак, что он обладает значением, а значение, в свою очередь, это обобщение. Проблема обобщений в Средние века называлась проблемой универсалий и была центральной проблемой всей европейской философии (Кравцов, Кравцов, 2022).

В работе «Орудие и знак» Л.С. Выготский проводит мысль о том, что орудия труда — это средства, с помощью которых мы овладеваем

внешним миром, а знаки, среди которых особо важное место занимают слова нашей речи, являются средствами овладения человеком собственным поведением и своими психическими процессами. Можно отметить, что сама по себе идея опосредствования выглядит довольно простой и даже в чем-то механической. Однако если повнимательнее взглянуть в эту идею во всех ее неожиданных ракурсах, то окажется, что она нуждается в специальном психологическом анализе и разъяснении связанных с нею феноменов и казусов. Так, у Ф. Бэкона, которого цитирует Л.С. Выготский в связи с идеей опосредствования, есть пример с циркулем как средством, существенно облегчающим рисование окружности. Любой человек, научившийся правильно пользоваться циркулем, легко нарисует идеальную окружность в нужном месте и заданного размера. Можно сказать, что циркуль уравнивает всех нас, поднимая до уровня абсолютно точного и совершенного выполнения задания нарисовать окружность. Но ведь циркуль — это не орудие труда, способствующее овладению внешним миром, а, скорее, инструмент умственной работы в области начертательной геометрии.

В психологии хорошо известен «феномен щупа», описанный А.Н. Леонтьевым. Так, перед началом операции хирург с помощью металлического стержня обследует рану, чтобы определить местоположение пули, которую предстоит извлечь. На вопрос, а где в это время сконцентрировано сознание хирурга, А.Н. Леонтьев дает однозначный ответ — на кончике щупа, с помощью которого хирург зондирует рану. Точно так же сознание и чувствительность столяра, работающего со стамеской, вынесены на режущую кромку этого инструмента. У Л.С. Выготского есть исключительно точное словосочетание, объясняющее сущность вышеприведенных феноменов, — «вращивание средств». Есть основания полагать, что именно эта удивительная подвижность сознания побудила Л.С. Выготского объявить его предметом психологической науки. Вот только сознание нужно понимать не так, как оно понималось в старой психологии сознания, например, в физиологической психологии В. Вундта или в работах ассоцианистов. Старая психология, по словам Л.С. Выготского, изучала то, что происходит на сцене сознания, а изучение фактов самого сознания было ей недоступно.

С нашей точки зрения, самая значительная, самая богатая идея Л.С. Выготского была сформулирована им как принцип системного и смыслового строения сознания. Системность сознания он считал его внешней характеристикой, обозначающей специфику и особен-

ности межфункциональных связей на разных этапах онтогенеза психики, а вот смысловое строение сознания, согласно Л.С. Выготскому, является его внутренней, а значит наиболее существенной характеристикой, сопряженной с появлением новых, более высоких уровней и видов обобщений. В связи с этим он пишет поразительную по своей глубине и значимости фразу, согласно которой обобщение и общение это две стороны одной медали — как мы общаемся, так мы и обобщаем, и наоборот.

Заключение

Расшифровкой и конкретизацией принципа системности сознания, по нашему мнению, вполне может быть периодизация психического развития ребенка, выстроенная на основе научного наследия Л.С. Выготского. Он не оставил нам завершенной периодизации, но в его работах есть более чем достаточная теоретико-методологическая канва для ее построения. Системообразующими параметрами в такой четырехмерной периодизации будут следующие фундаментальные понятия, введенные в психологическую науку Л.С. Выготским: центральное возрастное психологическое новообразование, социальная ситуация развития, центральная психологическая функция и ведущая деятельность.

А вот с принципом смыслового строения сознания все обстоит много сложнее. Здесь, согласно Л.С. Выготскому, мы имеем дело с обобщениями и их развитием, то есть перед нами во весь рост встает центральная для всей европейской философии и гносеологии многовековая проблема универсалий. Л.С. Выготский отважился на ее экспериментальное изучение в психологическом исследовании, представленном им в монографии «Мышление и речь» (Выготский, 1982b). Главной целью этого исследования, по словам Л.С. Выготского, было изучение развития значений слов. Эксперимент проводился с помощью методики двойной стимуляции, известной также как методика Л.С. Выготского, Л.С. Сахарова. Эта методика, как отмечает Л.С. Выготский, была позаимствована у Н. Аха, вот только инструкция и процедура эксперимента в этой методике были существенно изменены и стали качественно иными, вроде бы позволяющими изучать процессы развития значений слов. На самом деле методика Н. Аха содержала в себе ту неустранимую из нее трактовку природы и происхождения обобщений, которая была навязана всему человечеству Аристотелем. Он, чтобы противопоставить свое учение философии Сократа и Платона, вынужден был пойти на откровенную

подмену категории общего на понятие одинакового, поскольку в его гносеологии источником как истинного, так и ложного знания является исключительно окружающий нас мир вещей. Аристотелевские «обобщения» можно называть как эмпирическими, так и номинативными. Однако в них нет того, что отличает подлинные обобщения, а именно отражения сущности вещей, а также многого другого, что есть в смысловом пространстве жизни человека.

У А.Н. Леонтьева есть замечательная фраза — «топор тоже обобщает». Однако когда он начинает пояснять, а как именно обобщает топор, он воспроизводит аристотелевскую трактовку происхождения обобщений. Удар топора по соответствующему объекту, согласно А.Н. Леонтьеву, извлекает из этого объекта скрытые в нем свойства, которые могут быть абстрагированы, сопоставлены между собой, а одинаковые свойства могут быть обозначены словами и тем самым обобщены. На самом деле топор обобщает присущим ему функциональным значением и назначением (Кравцов, Кравцов, 2023).

Гипноз аристотелевской трактовки происхождения обобщений настолько велик, что под его колпаком оказались практически все исследователи проблемы универсалий. А ведь ключ к ее решению был дан Л.С. Выготским в его словах о том, что обобщение и общение это две стороны одной медали. С помощью этого постулата может быть выстроена развернутая теория смыслового строения сознания. Этот ключ к проблеме обобщений позволяет более глубоко проанализировать, например, понятие зоны ближайшего развития, ставшее чем-то вроде визитной карточки культурно-исторического подхода. По нашему убеждению, научное наследие Л.С. Выготского это не историческое прошлое психологической науки, а ее единственно возможное и наиболее перспективное будущее.

Список литературы

Арсеньев, А.С. (2001). *Философские основания понимания личности*. Москва: Изд-во «Академия».

Библер, В.С. (1975). *Мышление как творчество*. Москва: Изд-во «Полигиздат».

Выготский, Л.С. (1968). *Психология искусства*. Москва: Изд-во «Искусство».

Выготский, Л.С. (1982a). *Исторический смысл психологического кризиса*. Собрание сочинений: в 6 тт. Т. 3. Москва: Изд-во «Педагогика».

Выготский, Л.С. (1982b). *Мышление и речь*. Собрание сочинений: в 6 тт. Т. 2. Москва: Изд-во «Педагогика».

Выготский, Л.С. (1983). История развития высших психических функций. Собрание сочинений: в 6 тт. Т. 3. Москва: Изд-во «Педагогика».

Выготский, Л.С. (1984). Младенческий возраст. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 тт. Т. 4. Москва: Изд-во «Педагогика».

Давыдов, В.В. (1966). Соотношение понятий «формирование» и «развитие» психики. Под ред. Н.А. Менчинская и др. Обучение и развитие: Материалы к Симпозиуму (С. 35–48). Москва: Изд-во «Просвещение».

Кравцов, О.Г., Кравцов, Г.Г. (2022). К проблеме смыслового строения сознания. *Культурно-историческая психология*, 18(3), 124–131. <https://doi.org/10.17759/chp.2022180315>

Кравцов, О.Г., Кравцов, Г.Г. (2023). Психологическая природа обобщений. *Культурно-историческая психология*, 19(1), 106–113. <https://doi.org/10.17759/chp.2023190113>

Спиноза, Б. (1892). Этика. Москва: Труды Московского психологического общества.

Юдин, Э.Г. (1978). Системный подход и принцип деятельности. Москва: Наука.

References

Arsen'ev, A.S. (2001). Philosophical foundations for understanding personality. Moscow: Academy Publ.

Bibler, W.S. (1975). Thinking as creativity. Moscow: Politizdat Publ.

Davydov, V.V. (1966). The relationship between the concepts of “formation” and “development” of the psyche. Moscow: Enlightenment Publ.

Kravtsov, O.G., Kravtsov, G.G. (2022). On the Problem of the Semantic Structure of Consciousness. *Kul'turno-Istoricheskaya Psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 18(3), 124–131. <https://doi.org/10.17759/chp.2022180315>

Kravtsov, O.G., Kravtsov, G.G. (2023). Psychological Nature of Generalizations. *Kul'turno-Istoricheskaya Psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 19(1), 106–113. <https://doi.org/10.17759/chp.2023190113>

Spinoza, B. (1892). Ethics. Moscow: Proceedings of the Moscow Psychological Society.

Vygotskii, L.S. (1968). Psychology of art. Moscow: Art Publ.

Vygotskii, L.S. (1982a). Historical meaning of psychological crisis. Vygotsky L.S. Collection works: in 6 vol. Vol. 1. Moscow: Pedagogika Publ.

Vygotskii, L.S. (1982b). Thinking and speech. Vygotsky L.S. Collection works: in 6 vol. Vol. 2. Moscow: Pedagogika Publ.

Vygotskii, L.S. (1983). History of the development of higher mental functions. Vygotsky L.S. Collection works: in 6 vol. Vol. 3. Moscow: Pedagogika Publ.

Vygotskii, L.S. (1984). Early childhood. Vygotsky L.S. Collection works: in 6 vol. Vol. 4. Moscow: Pedagogika Publ.

Yudin, E.G. (1978). Systematic approach and operating principle. Moscow: Nauka Publ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Геннадий Григорьевич Кравцов, доктор психологических наук, профессор, директор Института психологии имени Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Российская Федерация, kravtsovvg@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4418-3254>

Олег Геннадиевич Кравцов, кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Российская Федерация, kravtsovog@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8875-0169>

ABOUT THE AUTHORS

Gennady G. Kravtsov, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Head of L.S. Vygotsky Institute of Psychology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, kravtsovvg@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4418-3254>

Oleg G. Kravtsov, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of Legal Psychology, V.Ya. Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, kravtsovog@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8875-0169>

Поступила: 05.02.2024; получена после доработки: 13.04.2024; принята в печать: 10.05.2024.

Received: 05.02.2024; revised: 13.04.2024; accepted: 10.05.2024.